

В. Л. ГУКАСЯН

О ФОНЕМНОМ НОВООБРАЗОВАНИИ

Значение исследования языковых контактов давно уже вышло за рамки языковедения, став проблемой социальной. Научно-техническая революция в огромной степени способствовала сближению народов и наций, интенсификации языковых контактов. Нельзя не признать справедливыми слова В. Ю. Розенцвейга о том, что «...из вопроса сугубо теоретического, интересовавшего лингвистов в связи со сравнительно-историческими исследованиями и решавшегося почти исключительно на индоевропейском материале, языковые контакты переросли в вопрос общественной и государственной практики, а для многих стран Азии и Африки и в вопрос злободневный»¹.

К сказанному добавим, что вопрос языковых контактов, можно сказать, столь же злободневен и для буржуазной Европы, в странах которой определенные языки находятся в привилегированном положении по отношению к языкам национальных меньшинств. И в этих странах в борьбе за равноправие языков находит фактически свое выражение борьба за национальное равноправие.

Совершенно иное положение мы видим в нашей стране, где все языки пользуются подлинно равными правами.

В Советском Союзе на основе социалистического развития национальных республик из года в год интенсифицируются и языковые контакты, которые проявляются не только на лексическом, но и на грамматическом и фонетическом уровнях. В связи с этим обстоятельством в научной литературе стало высказываться мнение, что при длительном и регулярном контактировании двух языков заимствуются фонемы. Так, под воздействием русского языка, считают сторонники этого мнения, в фонематических системах тюркских языков СССР появились заимствованные из русского языка фонемы². При этом ими не учитывается, как нам кажется, нижеследующее.

¹ См.: В. Ю. Розенцвейг. Основные вопросы теории языковых контактов. — «Новое в лингвистике», вып. VI. М., 1972, стр. 5.

² Н. А. Баскаков. Развитие языков и письменности СССР. — «Вопросы языкознания». М., 1952, № 3; К. М. Мусаев. Изменения в фонетике. — В кн.: «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху», т. II. М., 1960, стр. 20; Э. М. Ахунзянов. Русские лексические заимствования, вошедшие в основной словарный фонд и словарный состав татарского языка. Автореф. докт. дисс. М., 1955; С. К. Кенесбаев. Прогрессивное влияние русского языка на казахский. — В кн.: «Прогрессивное влияние русского языка на казахский». Алма-Ата, 1965, стр. 14—23; А. Е. Горшков. Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики. Чебоксары, 1963, стр. 138—142; Р. Н. Терегулова. Русские заимствования в башкирском языке. Уфа, 1967, стр. 85; Л. Н. Харитонов. О влиянии русского языка на якутский язык. — В кн.: «Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа». Якутск, 1950, стр. 238 и т. д. Иного мнения в этом вопросе придерживается А. И. Васильев. (См.: А. И. Васильев. Имеются ли в тюркских языках фонемы, заимствованные из русского языка? — «Советская тюркология», 1971, № 6, стр. 96—100).

1. Многие гласные и согласные, приводимые этими учеными в качестве заимствованных, исторически были присущи тюркским языкам, а в ряде современных тюркских языков они и по сей день существуют. Вот почему прежде всего следует ответить на вопрос: заимствованы ли вообще эти звуки тем или иным языком? Возможно, что под воздействием контактирующего влияющего языка произошли лишь артикуляционные изменения, что наблюдается достаточно часто. Об одном таком явлении пишет, например, Б. А. Серебренников: «В некоторых нижневыхегодских русских говорах под влиянием коми-зырянского языка на месте велярного русского *l* появилось *l* среднеевропейское. Под влиянием русского языка в мишарском диалекте татарского языка исчезло велярное *к* (*q*), которое стало произноситься, как русское *к*»³.

2. Некоторыми авторами неоправданно отождествляются два разных понятия: «заимствование» и «возникновение». Новый звук, новая фонема и прежде возникали в языках, возникают и ныне, однако не только под влиянием другого языка (подробнее см. ниже). Нерешенным остается и сам вопрос вообще о возможности заимствования звука или фонемы. Некоторые исследователи на этот вопрос отвечают утвердительно, другие — отрицательно. Так, например, Л. П. Крысин предполагает, что «заимствование фонемы — наиболее редкий и частный случай, зависящий от степени контакта двух языков»⁴. Следовательно, по Л. П. Крысину, при достаточно тесном контакте двух языков фонема одного из них может быть заимствована другим.

М. И. Исаев и Е. М. Верещагин, казалось бы, категорически возражая против заимствования фонем, при этом оговариваются, что фонему можно считать заимствованной только в том случае, если она войдет в исконные лексемы⁵. Однако эта оговорка не реалистична, ибо вновь возникший (не заимствованный!) звук в языке может являться полноправной фонемой, даже если он не найдет применения в исконной лексике данного языка. Необходимо учитывать исторические предпосылки появления (или возникновения) данной фонемы, то есть всегда надо иметь в виду, что влияние контактирующего языка — это всего лишь внешний фактор, а возникновение новой фонемы в языке обуславливается обязательным сочетанием внутренних и внешних факторов (об этом см. ниже). Приведем два примера: фонема *f* (ф) и в русский, и в армянский языки фактически внесена извне. При составлении русского алфавита-кириллицы эталоном служил греческий алфавит, в котором уже со II века нашей эры имелся знак *f*. Звук *f* не был свойствен славянским языкам, поэтому в первое время в письменных памятниках русского языка *f* употреблялся лишь в словах, заимствованных из греческого, откуда он в дальнейшем, по-видимому, проник в древнерусский литературный язык. В народном разговорном языке он заменялся в заимствованных словах звуком *p* или *x*. Это объясняется прежде всего тем, что к IX—XI векам в русском языке еще не сложилось четкое соотношение твердых и мягких согласных. Фонема *v* в этот период являлась еще сонантом, который впоследствии приобрел характеристики звонкого согласного, что обусловило возможность существования его глухой параллели — звука *f*. К этому времени у русских-монолингвов сложились и артикуляторные навыки для правильного произнесения *f*, кото-

³ Б. А. Серебренников. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М., 1968, стр. 11—12.

⁴ Л. П. Крысин. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, стр. 19.

⁵ См.: М. И. Исаев. Языковое строительство как один из важнейших экстралингвистических факторов развития языка. — В кн.: «Язык и общество». М., 1968, стр. 95; Е. М. Верещагин. О проблеме заимствования фонем. — Там же, стр. 163—166.

рые затем фонологизировались. Поэтому *f*, весьма редко употребляющийся в исконно русских словах, вошел в фонемную систему русского языка⁶.

Иначе обстояло дело с фонемой *f* в армянском языке. При создании армянского алфавита в начале V века эталоном послужил тот же греческий алфавит, однако в самом грабаре звук *f* отсутствовал⁷. Он появился в армянском алфавите в результате накопления множества заимствованных слов с этой фонемой, обычно замещавшейся в произношении армянскими звуками *p* или *h*. Фонема *f* отсутствует и в современном армянском языке; она и в настоящее время практически не произносится ни одним армянином-монолингвом.

Поэтому, говоря о возникновении в языке нового звука-фонемы, необходимо прежде всего установить общеупотребителен ли он, или это лишь формально включенный в алфавит знак.

3. Наконец, следует отличать заимствование от языковой интерференции. Явление «интерференции» У. Вайнрайхом и его последователями определяется как «перегруппировка моделей, проистекающая от введения чужих элементов в структурные области языка»⁸ и противопоставляется заимствованию, которое осмысливается только как «добавление к инвентарю».

Помимо этого, весьма необходимо учитывать фонетические особенности каждого конкретного языка. Один язык, вследствие контактирования с другим, в большей мере нуждается в отсутствующем в нем новом звуке, другой — в меньшей мере. Рассмотрим это на примере русского языка, контактирующего со многими языками, но не подвергающегося влиянию какого-либо из них. Русские, проживающие в РСФСР, преимущественно монолингвы, поэтому в их языке не возникает новых фонем. Тем не менее явно ощущается тенденция к восстановлению древнерусского *ž* под влиянием многочисленных заимствований с этой аффрикатой (особенно из тюркских языков).

Фонетический состав языка-заимствователя нередко оказывается богаче того языка, из которого заимствуется данная фонема, что вызывает порой недоумение. Обычно это связано с недоразумением, объясняющимся тем, что «заимствование» здесь понимается в прямом смысле и без учета того, что в заимствующем языке данная фонема отсутствует. Остановимся на этом подробнее. Общеизвестно, что звуковой состав кавказских языков весьма многообразен. По мнению кавказоведов, состав фонем восточнокавказского языка-основы представлял собой «систему более богатую (во всяком случае по составу согласных), чем то, что сохранилось от нее в современных языках-наследниках. Здесь существовали, например, более полные ряды длительных согласных (типа *сс, шш, кк, хх, члчл* и т. п.) и латеральных (*лʷ, лʷлʷ, кʷ, кʷ*). Вокализм, судя по всему, имел среднее развитие и насчитывал, по-видимому, не менее десяти фонем»⁹.

На этом фоне, например, звуковой состав современного удинского языка, относящегося к горско-кавказским языкам, выглядит весьма бедным. В нем 14 гласных и 38 согласных; давно исчезли сложные лате-

⁶ См.: В. Г. Орлова. Губные спиранты в русском языке. — «Труды Института русского языка». М.—Л., 1950, стр. 176—178; Н. Г. Самсонов. Древнерусский язык. М., 1973, стр. 101.

⁷ Э. Г. Туманян. Древнеармянский язык. М., 1971, стр. 18.

⁸ См.: U. Weinreich. Languages in contact. Paris, 1963, стр. 1.

⁹ Г. А. Климов. Кавказские языки. М., 1965, стр. 59.

ральные, увулярные, лабиализованные, даже абруптивные; нет в нем теперь четверичной системы для смычных и аффрикат и других специфических звуков горских кавказских языков. Вместе с тем спирантизировались многие аффрикаты и смычные, появились новые гласные и согласные. Все эти процессы в удинском языке происходили в основном в последние десять веков¹⁰. Исследования по истории албанской письменности показывают, что еще в V—IX веках нашей эры удинский язык располагал более чем 46 согласными и 10 гласными¹¹. Существующие албанские письменные памятники позволяют достаточно точно определить звуковое состояние удинского языка в канун контактирования его с азербайджанским языком. Поэтому можно приблизительно установить, какие гласные и согласные удинского языка деградировали, а затем и полностью исчезли, и какие звуки возникли вследствие многовекового контактирования с азербайджанским и другими языками.

При изучении процесса возникновения новых фонем недостаточно знать только историю фонетики и фонологии одного из контактирующих языков. Необходимо знание и истории языка влияющего.

Известно, что азербайджанский язык формировался на базе многочисленных диалектов языков савиро-хазарского племенного союза, раннекыпчакского и особенно огузских языков. Эти диалекты располагали такими фонемами, которые впоследствии исчезли из языка. Так, например, фонетический состав языков савиро-хазарского союза располагал такими звуками, как *s*, *z*, *ž*, и другими, которые в последующие века в азербайджанском литературном языке деградировали или же полностью исчезли, сохранившись в виде реликтов в ряде диалектов и говоров. Поэтому, говоря о фонетическом влиянии азербайджанского языка на удинский, необходимо рассмотреть историю этого процесса.

Анализ конкретных лингвистических данных показывает, что под влиянием контактирующего — влияющего азербайджанского языка в фонетической системе удинского языка произошли заметные структурные изменения, хотя в целом фонологическая система и осталась неизменной.

Фонетическое влияние в первую очередь проявляется в фонологической системе языка. Фонологические изменения, возникающие под влиянием контактов с неродственными языками, сводятся к заполнению так называемых «пустых клеток» в связи с большим числом слов, содержащих чуждые заимствующему языку звуки. В этом отношении каждый язык, каждая семья языков имеет свои особенности по степени и характеру проницаемости. Например, по мнению А. С. Чикобава, «фонемный состав иберийско-кавказских языков оказывается после лексики, не образующей замкнутой системы — наиболее чувствительным к изменениям элементов системы языка в зонах встреч с родственными языками других групп и — тем более — языками иного строя и происхождения»¹².

Сказанное всецело относится и к удинскому языку. Фонологическая система удинского языка богаче азербайджанской: гласные в

¹⁰ Об этом см.: В. Л. Гукасян. К трехязычию удин. — В кн.: «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., 1972, стр. 286—295; *его же*. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973, стр. 19—28.

¹¹ Ворошил Гукасян. Опыт дешифровки албанских надписей Азербайджана. — «Известия АН Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства». Баку, 1969, № 2, стр. 54—69.

¹² Арн. Чикобава. Узловые вопросы исторической фонетики иберийско-кавказских языков. — «Тезисы докладов второй региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков». Тбилиси, 1967, стр. 4—5.

удинском языке делятся на чистые (*a, e, i, o, u*) и фарингализованные (*ā, ē, ī, ō, ū*), причем фонематичность их не вызывает сомнения. Консонантизм тоже имеет строгую и последовательную систему: внутри рядов согласные фонемы противопоставляются по звонкости, глухости и преруптивности исторически абруптивным; смычные и аффрикаты образуют триадные ряды (*b-p-p; d-t-t; k-k'-k; [qk]-q-q; g-; ž-c-c; ž-č-c; ž-č; č-c-*); спонанты — парные (*v-f; z-s; ž-š; γ-x; j-; h-*); сонанты составляют последовательный ряд (*l, m, n, r*).

Кроме того, контактирующий влияющий азербайджанский язык не располагает такой сложной фонологической системой: в азербайджанском языке, с учетом данных его диалектов и говоров, имеется 9 гласных и 26 согласных фонем. Гласные коррелируют в основном следующим образом: *a-ā; i-y; o-ō; u-ū; e-[л]*¹³; согласные же: *b-p; d-t; q-k; k'-x; v-f; z-s; ž-š; č-ž; ž'-c'; j-*.

Гласные *a, e, i, y, o, u* и согласные *b, p, d, t, k, k', q, v, f, z, s, x, ž, š, ž, č, z, c, j, h, m, n, l, r* в азербайджанском и удинском языках адекватны.

Вместе с тем гласные *ā, ō, ū* и согласные *g, ng/ŋ* азербайджанского языка в фонологической системе удинского языка исторически отсутствовали. Видимо, поэтому именно они представляли инновации в удинском языке. Следовательно, нулевое противопоставление оказывается одним из необходимых условий для возникновения нового звука (геср-фонемы) в языке.

А. Мартине, говоря о возможности появления под влиянием заимствований новой фонемы в языке, обращает особое внимание на артикуляторные особенности, которые могут содействовать освоению нового звука¹⁴. Это значит, что, как бы ни были многочисленны заимствования из азербайджанского языка со звуками *ā, ō, ū*, они не были бы усвоены удинским языком, если бы у его носителей не возникли артикуляторные навыки.

Возникновение фонем *ā, ō* и *ū* в удинском языке обусловлено не только большим количеством заимствований с этими гласными (число их не так уж и велико). Само заимствование является следствием длительного и интенсивного контактирования, в результате которого возникло полное двуязычие и в речевом аппарате удин выработался навык произношения этих фонем.

Нельзя не учитывать и того, что в самом удинском языке имелись внутренние предпосылки, способствовавшие «заимствованию» этих гласных: наличие парных гласных создавало условия и для появления третьего ряда — *a-ā-ā, o-ō-ō, u-ū-ū*. Подобные факты А. Мартине считает закономерным явлением в языках¹⁵.

Судя по некоторым историческим данным, можно предположить, что навыки произношения этих специфических азербайджанских звуков у удин выработались давно, во всяком случае до XVII века. Об этом, например, свидетельствует письмо удин Кабалинского округа Петру I от 28 октября 1724 года, из которого явствует, что даже османские турки-солдаты, находившиеся в то время в городе Гяндже, не могли отличить местных удин от азербайджанцев не только потому, что они наряду с родным удинским языком свободно владели и азербайджанским, но и потому, что азербайджанская речь удин ничем не отличалась от

¹³ Об этом звуке см.: А. К. Алекперов. Фонетическая система современного азербайджанского языка. Баку, 1971, стр. 46—47.

¹⁴ А. Мартине. Принципы экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 135—139.

¹⁵ Там же, стр. 136—137.

речи самих азербайджанцев. Таким образом, по словам Е. Куриловича, чисто артикуляторные признаки для гласных *ä, ö, ü* и согласных *g ng/ŋ* у удин уже в то время фонологизировались¹⁶.

Благодаря совокупности внутренних и внешних факторов в удинском языке возникли гласные *ä, ö, ü*, фонологически и фонетически почти ничем не отличающиеся от тех же букв азербайджанского языка.

Эти гласные, кроме удинского, существуют в крызском, будухском, хиналугском языках, в диалектах и говорах лезгинского, цахурского, армянского, грузинского и других языков, представленных на территории Азербайджана. Хотя не во всех этих языках и диалектах *ä, ö, ü* возникли под влиянием одних и тех же факторов, одно несомненно, что контактирующий влияющий на эти языки и диалекты азербайджанский язык располагал указанными гласными, и потому они проникли во все упомянутые языки.

Отметим, что существуют разные предположения относительно появления этих гласных в горских кавказских языках. По мнению Е. А. Бокарева и некоторых других кавказоведов, гласные *ä, ü* являются исконными фонемами так называемого общелезгинского праязыка¹⁷. По предположению других исследователей, они возникли в результате лабиализации простых гласных. Так, например, А. А. Магометов пишет, что артикуляция звука *ü* в табасаранском языке «это артикуляция гласного *i* плюс огубление... гласный *ü* представлен как в заимствованных из азербайджанского (например, *güzgi* 'зеркало', *ülke* 'страна', *külfet* 'семья'...), так и в собственно табасаранских словах. В ряде случаев можно проследить процесс получения гласного *ü*; *i*+ лабиализованный согласный может дать *ü*+ нелабиализованный согласный...»¹⁸.

Распространение исконного лабиального *ü* на заимствования не всегда возможно. Наоборот, из приведенных самим автором примеров явствует, что заимствованный из азербайджанского языка *ü* в табасаранском языке иногда заменяет гласный *u*. Возникновению *ü* в табасаранском языке способствовал внешний фактор, воздействовавший на внутренний, то есть на *i*+ лабиализованный согласный. Подобное явление отмечено А. Г. Гюльмагомедовым в куткашенских говорах лезгинского языка: «Возникновению *o, ob*, по-видимому, способствовали два фактора: внутренний — передача лабиализованности корневого согласного, смежного с ним гласным, ассимиляция гласных *a, e* губным согласным *b, m*, внешний — тесный контакт с азербайджанским языком, где гласные *o, ob* широко представлены»¹⁹.

Отсюда явствует, что возникновение гласных *ä, ö, ü* — следствие совокупности внешнего и внутреннего факторов. Поэтому трудно согласиться с мнением Е. Ф. Джейранишвили о том, что «в удинском языке *ö* получен в результате лабиализации простого гласного *e*; *ü* также получен в результате лабиализации простого гласного *i*...»²⁰. Не будь в контактирующем азербайджанском языке данных фонем, не происхо-

¹⁶ Е. Курилович. О методах внутренней реконструкции. — «Новое в лингвистике», вып. IV. М., 1965, стр. 405.

¹⁷ Е. А. Бокарев. Опыт реконструкции вокализма в общедагестанском праязыке. — «Тезисы докладов первой сессии сравнительно-исторического изучения иберийско-кавказских языков». Махачкала, 1965, стр. 45.

¹⁸ А. А. Магометов. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965, стр. 28—29.

¹⁹ А. Г. Гюльмагомедов. Куткашенские говоры лезгинского языка. Автореф. канд. дисс. Махачкала, 1966, стр. 4.

²⁰ Е. Ф. Джейранишвили. Удинский язык (резюме на русском языке). Тбилиси, 1971, стр. 278.

дили бы и эти лабиализации или билабиализации — не было бы почвы для возникновения и освоения этих гласных в удинском языке, и они остались бы чуждыми ему. С этой точки зрения весьма неубедительны высказывания А. А. Шифнера и А. М. Дирра о том, что эти так называемые умлаутированные гласные в фонологическую систему удинского языка проникли из азербайджанского языка²¹.

Изложенное выше позволяет заключить, что в появлении гласных *ä, ö, ü* в представленных в Азербайджане нетюркских языках — в диалектах армянского языка, в ингилойском диалекте грузинского языка²², в диалектах лезгинского, цахурского и рутульского языков — наряду с внутренним фактором значительную роль сыграл и внешний фактор — влияние азербайджанского языка. В этой связи обращает на себя внимание то, что *ä, ö, ü* не представлены в диалектах цахурского, рутульского и лезгинского языков Дагестана, а также в грузинских и армянских диалектах Грузии и Армении, не контактирующих с азербайджанским языком. Поэтому «Закон Ачаряна» для *ä, ö, ü* применительно к армянским диалектам выглядит односторонним, ибо и этот закон базируется лишь на внутреннем факторе — на палатализации широких гласных в узкие под влиянием корневого анлаутного звонкого смычно-го согласного на последующий гласный. Однако, вслед за Н. А. Вартапетяном, К. И. Давтяном²³ и другими армянскими лингвистами, Р. А. Баграмян утверждает, что «переходы $a > ä, o > ö, u > ü$ являются особенностями армянских диалектов, чисто армянским явлением, не зависящим от внешнего влияния»²⁴. Развивая свою точку зрения, он пишет, что, хотя эти фонемы армянских диалектов «качественно не отличаются от азербайджанских гласных *ə, ø, y*» и хотя «существует мнение, что указанные гласные в армянских диалектах образовались под воздействием азербайджанского языка, они все же появились в армянском языке независимо от внешнего влияния»²⁵.

Последние строки цитируемого отрывка ясно отражают точку зрения Р. А. Баграмяна на возникновение новых фонем, в том числе *ä, ö, ü* в армянском языке. Его мнение о том, что иноязычная фонема заимствуется в составе заимствованных слов, не выдерживает критики, ибо возникающая или, как автор называет, «заимствованная» фонема употребляется не только в составе заимствованных слов. Исследования самого же Р. А. Баграмяна показывают, что *ä, ö, ü* в армянских диалектах, представленных на территории Азербайджана, фонологизировались и коррелируют с широкими гласными *a, o, u* во всех позициях. Он пишет: «...Во всех позициях в слове в обычном употреблении наличествуют переходные гласные *ä, ö, ü*... Вот несколько примеров, взятых из шамхор-дастафюрского междиалекта: *thar* 'куриный насест' — *thär* 'голубоватый', *ružap* 'волчок' — *ružän* 'мацони, которым женщины смягчают

²¹ А. А. Schiefner. Versuch über die Sprache der Uden. — «Mémoires de l'Académie imperiale des Sciences de St.-Petersbourg», VIIe Serie, Tome VI, № 8, СПб., 1863, стр. 9; А. М. Дирр. Грамматика удинского языка. Тифлис, 1903, стр. 1.

²² Г. М. Имнайшвили. Умлаут в ингилойском наречии грузинского языка. — «Иберийско-кавказское языкознание», т. V. Тбилиси, 1953.

²³ Н. А. Вартапетян. Сюникский диалект армянского языка. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1962, стр. 6; К. И. Давтян. Диалектная карта Карабаха (на армянском языке). Ереван, 1966, стр. 504.

²⁴ Р. А. Баграмян. Армянские диалекты в Азербайджанской ССР. Автореф. дсскт. дисс. Тбилиси, 1969, стр. 42.

²⁵ Р. А. Баграмян. Армянские диалекты в азербайджанской среде. — «Тезисы докладов и сообщений совещаний по общим вопросам диалектологии и истории языка. (Ереван, 2—5 октября 1973 года)». М., 1973, стр. 68—69.

волосы при мытье головы', *ystaqel* 'сдохнуть' — *ystäqel* 'очистить пшеницу решетом', *tašt* 'корыто' — *täšt* 'поле, равнина', *soğ* 'струя жидкости' — *çög* 'ущелье'»²⁶.

Отметим, что *ä* как в диалектах армянского языка, так и в удинском языке является гласным переднего ряда нижнего подъема. По месту и способу образования этот звук не отличается от *ə* азербайджанского языка. Более широко он представлен в ниджском диалекте удинского языка, где употребляется как в исконных, так и в заимствованных словах, причем во всех позициях (ср.: *äci* 'игра; танец', *äfci* 'ложь', *häš* 'опилки', *qäšä* 'палец'...).

Что же касается *ö*, то это губной гласный переднего ряда среднего подъема, ничем не отличающийся от *ø* азербайджанского языка. В диалектах удинского языка *ö* проявляет себя по-разному: в ниджском диалекте встречается лишь в составе слов, заимствованных из азербайджанского языка (ср.: *ögdäj* 'утка', *ölkä* 'страна', *ögüş* 'выгон скота', *öñü* 'вол', 'бык', *göl* 'озеро'), в порташанском — в из иранских заимствований тоже переходит в *ö* (ср.: *gele* > *gölö* 'много', *ekiz* > *öküz* 'двойник' и т. д.).

Губной гласный переднего ряда верхнего подъема *ü* широко представлен в диалектах удинского языка. Он ничем не отличается от *y* азербайджанского языка; употребляется как в составе заимствованных, так и в исконных словах (ср.: *ütü* 'утюг', *tülki* 'лиса', *kükü* 'яичница', *ük* 'сердце', *šü* 'ночь').

Особый интерес представляют вновь возникшие в удинском языке согласные.

В системе согласных удинского языка звуки *g*, *ng/ŋ*, *ž* исторически отсутствовали, ибо, как отмечалось выше, в удинском языке смычные и аффрикаты состоят из трех рядов, а назальные — из одного зубного сонанта *rr* с твердым приступом.

Фонемы *q* в азербайджанском и удинском языках почти не отличаются: это звонкий или полувзвонкий заднеязычный согласный. *K* (азерб. *k*) и *q* резко отличаются по месту и способу образования: удинский *k* заднеязычный глухой придыхательный смычный согласный, а *k* азербайджанского языка — глухой среднеязычный смычный согласный; удинский *q* (исторический абруптив) является преруптивом, а азербайджанский *q* возник под влиянием многочисленных заимствованных из русского языка слов с *q*. Поэтому фонематичность его в азербайджанском языке часто вызывает сомнение²⁷. Смычный же полувзвонкий *g* в удинском языке, на наш взгляд, возник в последние века. Это следует, во-первых, из того, что *g* в удинском языке не является коррелятом какого-либо смычного (или любого другого) согласного и потому лишен смыслоразличительной функции; во-вторых, он употребляется в основном в составе заимствованных слов. Можно наблюдать немало случаев, когда звук, чуждый фонологической системе какого-либо языка и возникший под влиянием многочисленных заимствованных слов с этим звуком (ср. с *f* в армянском языке), употребляется только в составе этих заимствований. В удинском языке в старых иранских и армянских заимствованиях наблюдается даже замещение *q* согласным *g* (ср.:

²⁶ Р. А. Баграмян. Армянские диалекты в азербайджанской среде, стр. 38.

²⁷ По мнению А. А. Ахундова, *k* — *k* являются комбинаторными вариантами одной глухой фонемы с дифференциальным признаком нёбности, согласно фонетическому закону *c + d* (ср.: А. А. Ахундов. Система фонем современного азербайджанского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1964, стр. 75).

qirk > girk 'книга', qic > gic 'линия', qomeş > gomeş 'буйвол', qaug > goug 'гяур' и т. д.). Это означает, что *g* полностью закрепился в фонологической системе удинского языка. Существование с древних времен заднеязычных смычных (*g, k, q*) и трех рядов фарингальных согласных (*[gk], q, q*), а также заднеязычного звонкого спиранта *γ*, безусловно, создало в удинском языке хорошие акустические условия для возникновения *g*.

Наличие же в фонологической системе удинского языка зубного сонанта *n*, звонкого спиранта *γ* и звонкого смычного *g* обусловило благоприятные акустические условия для возникновения назального слитного согласного *ng/nγ* и *ŋ* (так называемого *сагыр нун*). Происхождение этих согласных, существующих во всех тюркских языках кыпчакской группы, тюркологами объясняется по-разному. Одни считают, что *ŋ* и *nq/ng/nγ* — разные фонемы, восходящие к тюркскому праязыку (то есть *ng* образовался в результате слияния самостоятельных *ŋ+q*)²⁸, другие же полагают, что *ŋ* восходит к праязыковому *ng/nq/nγ*²⁹.

Сторонник первого мнения А. М. Щербак пишет: «Заднеязычный носовой согласный прослеживается в конце односложных и в конце и середине многосложных слов, в абсолютном начальном положении он полностью исключен. В середине многосложных слов, в интервокальном положении, вторичность *ŋ* часто не требует никаких доказательств, ср. др.-тюрк. *баңа* ~ *мэңә* 'мне' (<*мэңгә*), *сэңә* 'тебе' (<*сэңгә*), *аңа* 'ему' (<*аңга*). Сложнее обстоит дело с конечной позицией. Здесь необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Для конечной позиции в тюркских языках примечательно отсутствие сочетания *n+k* (<*k*) или *n+g* (<*k*), вполне допустимого и совершенно естественного с точки зрения общетюркских правил сочетаемости и последовательности звуков, ср.: *нт, мт*. Отсутствие такого сочетания может служить одним из аргументов в пользу гипотезы о вторичном происхождении *ŋ* (из сочетания *n+k* <*n+k* или *n+g* <*n+k*), ср. др.-тюрк. *күң* 'рабыня, служанка' (<**күнк*), *јэң* 'рукав' (<**дәнк*), *биң* 'тысяча' (<**ниңк*), *муң* 'печаль' (<**пунк*), *тэң* 'равный' (<**тәнк*), *јүң* 'перо птицы, шерсть' (<**дүнк*)... Кстати, в интервокальном положении, образуемом присоединением к слову с конечным *ŋ* аффикса, начинающегося гласным, *ŋ* может реализоваться в сочетании *n+k* или *n+g*»³⁰.

В. И. Асланов, высказывая противоположную точку зрения, отмечает, что «хотя и встречаются случаи, когда сочетание *n+g* дает *ŋ*, однако последнее не может быть распространено на все случаи употребления *ŋ* в составе исконно тюркских слов, ибо это фонетическое явление относится к сравнительно позднему этапу в развитии тюркских языков. На наш взгляд, сочетание *n+g* может дать *ŋ* лишь в составе производных слов, где *n+g* относится к аффиксальной морфеме. *ŋ* может быть возведен к сочетанию *n+g*, если он употребляется в середине слов»³¹.

Не высказываясь со всей определенностью относительно существующих взглядов на генезис *ŋ, nq/ng/nγ* в тюркских языках, мы можем отметить, что в удинском языке встречаются слова и с *ŋ*, и с *nq/ng/nγ*, причем в тех же позициях, что и в тюркских языках.

²⁸ М. Ширәлијев. Азербайжан диалектолокијасынын әсаслары. Баку, 1962, стр. 76.

²⁹ Подробнее об этом см.: В. И. Асланов. Из этюдов по исторической фонетике азербайджанского языка (о фонеме *ŋ*). — «Известия АН Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства». Баку, 1966, № 2, стр. 92—102.

³⁰ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 82.

³¹ В. И. Асланов. Указ. раб., стр. 94.

Хотя η и $nq/ng/n\gamma$ являются довольно широкоупотребительными фонемами в удинском языке, к сожалению, специалистами они отмечены не были. На них обратили внимание лишь члены постоянной удинской комиссии при Секторе языка и материальной культуры Закавказского филиала Академии наук СССР на специальном научном совещании, посвященном обсуждению алфавита удинского языка, состоявшемся 11—13 июня 1933 года в Тбилиси. Об этом Д. П. Карбелашвили пишет: «На совещании обнаружилось расхождение в мнениях: часть присутствующих доказывала, что фонемы η в удинском языке нет и что ее смягчение вызывается соседством соответственного звука, например: $g—ng$ при предшествующем \ddot{a} ... Существование фонемы η в удинском языке может быть обосновано следующим: фонема η дана не только в комплексе ng , т. е. в так называемом фаукальном звуке, когда ему предшествует \ddot{a} , но и тогда, когда и предшествуют и следуют за ним обыкновенные a и другие звуки, напр.: 1) $\ddot{a}\eta\dot{g}\dot{i}\dot{s}\dot{t}\dot{a}$ 'наперсток', $\theta\ddot{o}\dot{f}\dot{a}\eta\dot{g}$ 'ружье', $z\dot{a}\eta\dot{g}$ 'колокол', $\theta\dot{a}\eta\dot{g}\dot{a}$ 'деньги', $\dot{s}\dot{i}\dot{g}\dot{a}\eta\dot{g}$ 'кувшин' (для воды), $\theta\dot{a}\eta\dot{g}\dot{a}\dot{i}$ 'вилка', но и 2) $g\eta\dot{g}$ 'широкий', $m\dot{a}\eta\dot{g}\dot{o}$ 'челюсть', $\dot{d}\dot{i}\eta\dot{g}$ 'приспособление для молотбы риса', $\theta\dot{u}\eta\dot{g}\dot{i}$ 'кувшин' (мера жидкости), а также без следующих звуков; 3) $b\dot{e}\dot{u}\eta\dot{s}$ 'священник', $b\dot{e}\dot{i}\eta\dot{g}$ 'праздник', 'воскресенье', $b\dot{a}\dot{n}\dot{d}\dot{a}\dot{m}$ 'солома для вязания снопов' ... $\theta\ddot{u}\eta$ 'горнило'...»³².

Как видно из немногих примеров, приведенных Д. П. Карбелашвили, η и $nq/ng/n\gamma$ в удинском языке представлены более широко, чем в диалектах и говорах азербайджанского языка. В удинском имеются такие тюркские заимствованные слова с этим звуком, которые в азербайджанском языке употребляются без него (исключение составляют говоры закато-кахской зоны), например: $g\eta\dot{g}$ (азерб. gen) 'широкий, просторный', $k'\dot{a}\dot{r}\dot{s}\dot{a}\eta\dot{g}$ (азерб. диал. $k'\dot{a}\dot{r}\dot{s}\dot{a}\dot{n}$) 'корыто', $q\dot{u}\dot{v}\dot{a}\dot{n}\dot{\gamma}$ (азерб. $q\dot{u}\dot{v}\dot{a}\dot{q}$) 'тополь', $s\dot{o}\eta\dot{g}s\dot{u}\dot{z}$ (азерб. $s\dot{o}\eta\dot{g}s\dot{u}\dot{z}$) 'бедетный' (от др.-тюрк. $s\dot{o}\eta\dot{g}$ 'детеныш') и другие. Знаменателен тот факт, что название древнетюркского бога в «Истории Алван» приведено через ng ($t\dot{a}\eta\dot{g}\dot{i}$). В главе 40 второй книги автор ее пишет, что хазары в VII веке «приносили в жертву коней какому-то чудовищу, великану, называя его богом $T\dot{a}\eta\dot{g}\dot{i}$ - $x\dot{a}\dot{n}$...»³³. Данное слово в древнетюркских памятниках пишется то через η (η — см.: $\ddot{U}\dot{z}\dot{a}\ k\ddot{o}\dot{k}\ t\dot{a}\eta\dot{g}\dot{i}$ — в начале большой надписи Кюль-Тегина), то через ng (см.: $t\dot{e}\eta\dot{g}\dot{i}$ 'бог', $t\dot{e}\eta\dot{g}\dot{i}\dot{z}$ 'море', $m\dot{a}\eta\dot{g}\dot{a}$ 'мне', $s\dot{a}\eta\dot{g}\dot{a}$ 'тебе' в словаре Махмуда Кашгари)³⁴.

Точная передача слова $t\dot{a}\eta\dot{g}\dot{i}$ в «Истории Алван» свидетельствует о том, что еще в раннем средневековье в фонологической системе удинского языка возникли благоприятные акустические условия для появления η и ng . Это подтверждается еще и тем, что данные фонемы были широко представлены и в диалектах тюркских языков Кавказской Албании³⁵.

Фонетическое влияние азербайджанского языка на удинский этим не ограничивается. В той или иной форме оно отразилось и на других удинских эквивалентах азербайджанских фонем. Например, в современном удинском языке, особенно в его ниджском диалекте, параллельно сосуществуют исконная звонкая альвеолярная аффриката \dot{z} и азербайджанская переднеязычная палатальная звонкая аффриката \dot{z} (\dot{c}).

³² См.: Д. П. Карбелашвили. К фонетике удинского языка. — «Язык и мышление», III—IV. М.—Л., 1935, стр. 270—272.

³³ См.: «История Алван» (на древнеармянском языке). М., 1860, кн. II, гл. 40.

³⁴ Подробнее об этом см.: В. Л. Гукасян. Тюркизмы в албанских источниках. — «Советская тюркология», 1977, № 2, стр. 33—34.

³⁵ Подробнее об этом см.: В. Л. Гукасян. Указ. автореф., стр. 24—25.

Это объясняется тем, что исконный удинский \check{z} во многих словах уже давно спирантизировался. Следует отметить также, что «в языках Дагестана широко распространен процесс спирантизации: происходит спирантизация как звонких и придыхательных, так и абруптивных аффрикат. Вследствие этого процесса z и \check{z} в языках Дагестана являются весьма редкими фонемами»³⁶. Исконная звонкая межзубная аффриката z в удинском языке сохранилась только в пяти старых, заимствованных из армянского и иранских языков, словах, а именно: в $zab\check{r}i$ 'воронка', zax 'левый', $\check{y}anzil$ 'черемша', $bi\check{r}in\check{z}$ 'рис', $g\check{a}g\check{a}m\check{z}ix$ 'могила', 'кладбище'. Та же участь постигла и исконную звонкую аффрикату \check{z} , которая в современном удинском языке встречается всего в нескольких следующих словах: $\check{z}e(r)$ $\check{z}eg$ 'губа', $\check{y}i\check{z}a$ 'бузина', $qa\check{z}il$ 'след', $\check{q}a\check{z}il$ 'боров', 'кабан' (впрочем, этимологически и эти слова являются заимствованными). Эта аффриката оказалась вытесненной своим азербайджанским эквивалентом — звонкой аффрикатой \check{z} (\check{c}). Среднеязычная заальвеолярная аффриката \check{z} в словах, заимствованных из армянского языка, в ниджском диалекте замещается азербайджанским \check{z} (ср. варташенский и ниджский диалекты удинского языка): $\check{z}ok \sim \check{z}oj$ 'отдельно, отдельно', $\check{z}olak \sim \check{z}olaq$ 'паук', $\check{z}inik \sim \check{z}iniq$ 'чердачный балкон' и т. д.

Весьма интересным является фонологическая особенность древнетюркского \check{z} , сохранившегося в составе некоторых заимствованных слов. Дело в том, что по своей артикуляции он более заальвеолярный, нежели \check{z} современного азербайджанского языка, и занимает среднюю позицию между исконно удинским \check{z} и азербайджанским \check{z} . Этому, по-видимому, частично способствуют последующие гласные и согласные. См., например, др.-тюрк. $\check{z}ada\check{y}$ 'пеший', $\check{z}ug\check{y}t$ 'джигит', 'храбрец', $\check{z}ag$ 'яр, овраг', сохранившиеся в удинском, при азербайджанских $\check{z}al\check{y}a$ 'молодое дерево', $\check{z}\check{a}rg\check{a}$ 'ряд', $\check{z}in$ 'бес', $q\check{y}l\check{y}n\check{z}$ 'меч, сабля' и др.

Таким образом, приведенные примеры показывают, что фонемное новообразование в языке — довольно сложный фонетический процесс, требующий длительного регулярного контакта двух языков, приводящего обычно к влиянию одного языка на другой. Фонемное новообразование, как видно из материалов горско-кавказских языков, особенно удинского и диалектов армянского и грузинского языков, представленных на территории Азербайджанской ССР, в основном происходит в условиях двуязычия.

³⁶ Подробнее об этом см.: И. Д. Кобалава. Процессы аффрикатизации и деаффрикатизации в иберийско-кавказских языках. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1959.